3 2 9 3

МРТУ 19 № 183-65

1968 г.

2

1

М. Горький

ПЕПЕ

ХУДОЖНИК В. ТУРЕНКО

Пепе – лет десять, он хрупкий, тоненький, быстрый, как ящерица, пёстрые лохмотья болтаются на узких плечах, в бесчисленные дыры выглядывает кожа, тёмная от солнца и грязи.

Он похож на сухую былинку, – дует ветер с моря и носит её, играя ею, – Пепе прыгает по камням острова, с восхода солнца по закат, и ежечасно откуда-нибудь льётся его неутомимый голосишко: „Италия прекрасная, Италия моя!..“

Его всё занимает: цветы, густыми ручьями текущие по доброй земле, ящерицы среди лиловатых камней,

птицы в чеканной листве олив, в малахитовом кружеве виноградника, рыбы в тёмных садах на дне моря.

Ему не по душе богатые иностранные туристы. – „Какое лицо! – говорит Пепе товарищам, указывая всевидящими глазами на немца, надутого важностью до такой степени, что у него все волосы дыбом стоят. – Вот лицо, не меньше моего живота!“

Пепе не любит немцев, он живёт идеями и настроениями улицы, площади и тёмных лавочек, где свои люди пьют вино, играют в карты и, читая газеты, говорят о политике.

Скучно, ногами, похожими на ножницы, шагает англичанин, — Пепе впереди его и напевает печальную песенку.

Товарищи Пепе идут сзади, кувыркаясь со смеха, и прячутся, как мыши, в кусты, за углы стен, когда иностранец посмотрит на них спокойным взглядом выцветших глаз.

Множество интересных историй можно рассказать о Пепе. Однажды какая-то синьора поручила ему отнести в подарок подруге её корзину яблок своего сада.

– Заработаешь сольдо! – сказала она. – Это ведь не вредно тебе... – Он с полной готовностью взял корзину, поставил её на голову и пошёл.

А воротился за сольдо лишь вечером. – „Ты не очень спешил!“ – сказала ему женщина. – „Но всё-таки я устал, дорогая синьора! Ведь их было более десятка!“ – вздохнув, ответил Пепе. – „Десяток яблок?“ – „Мальчишек, синьора“.

Она начала сердиться, схватила его за плечо, встряхнула: „Отвечай, ты отнёс яблоки?“ – „До площади, синьора!“

–Сначала я вовсе не обращал внимания на их насмешки,– пусть, думаю, они сравнивают меня с ослом, я всё стерплю из уважения к синьоре,–к вам, синьора.

–Но когда они начали смеяться над моей матерью, – ага, подумал я, ну, это вам не пройдёт даром. Тут я поставил корзину, и – нужно было видеть, добрая синьора, как метко попадал я в этих разбойников, – вы бы очень смеялись!

–„Они растащили мои плоды?!“–закричала женщина.–„О нет,– грустно вздохнув, сказал Пепе.–Но те плоды, которые не попали в мальчишек, разбились о стены, а остальные мы съели, после того как я помирился с врагами...“

Женщина долго кричала, извергая на бритую голову Пепе все проклятия, известные ей.

А когда она, устав, пошла прочь, он сказал вслед ей: „Но, право, вы не беспокоились бы так, если б видели, как метко попадал я в грязные головы этих мошенников".

Грубая женщина не поняла скромной гордости победителя, – она только погрозила ему железным кулаком.

Сестра Пепе, девушка много старше, но не умнее его, поступила прислугой — убирать комнаты — на виллу богатого американца.

Она сразу же стала чистенькой, румяной и, на хороших хлебах, начала заметно наливаться здоровым соком, как груша в августе.

Брат спросил её однажды: „Ты ешь каждый день?“ – „Два и три раза, если хочу“, – с гордостью ответила она. – „Пожалела бы зубы!“ – посоветовал ей Пепе.

А потом он задумался и спросил снова: „Очень богат твой хозяин?" – „Он? Я думаю – богаче короля!" – „Ну, оставим глупости соседям! А сколько брюк у твоего хозяина?"

–„Это трудно сказать. Десять, может быть, больше...“ –„Поди-ка, принеси мне одни не очень длинные и тёплые“.

–„Зачем?“ – „Ты видишь – какие у меня?“ – Видеть это было трудно, – от штанов Пепе на ногах его оставалось совсем немного.

–„Но ведь хозяин может подумать, что мы украли?"–возразила сестра. Пепе внушительно ответил ей: „Не нужно считать людей глупее нас! Когда от многого берут немножко, это не кража, а просто делёжка!"

Когда она принесла в кухню хорошие брюки светло-серого цвета и они оказались несколько длиннее всего тела Пепе, он тотчас догадался, как нужно сделать.

– Дай-ка нож! – сказал он. Вдвоём они живо превратили брюки американца в очень удобный костюм для мальчика: вышел несколько широковатый, но уютный мешок, а вместо рукавов отлично служили карманы.

Они устроили бы ещё лучше и удобнее, но им помешала в этом супруга хозяина брюк: явилась в кухню и начала говорить самые грубые слова на всех языках одинаково плохо, как это принято американцами.

Пепе ничем не мог остановить её красноречие, он морщился, прикладывал руку к сердцу, хватался в отчаянии за голову, устало вздыхал, но она не могла успокоиться до поры, пока не появился её муж.

–„В чём дело?“ – спросил он. И тогда Пепе сказал: „Синьор, меня очень удивляет шум, поднятый вашей синьорой. Она, должно быть, думает, что я взял последние ваши брюки...“

Американец, спокойно выслушав его, заметил: „А я думаю, молодчик, что надобно позвать полицию и отправить тебя в тюрьму“. – Это очень огорчило Пепе. – „Если вы любите, синьор, сажать людей в тюрьму, то – конечно!“

– Но я, будь у меня много брюк, а у вас ни одной пары, я бы дал вам две, пожалуй – три пары даже; хотя три пары брюк нельзя надеть сразу! – Американец расхохотался; ведь иногда и богатому бывает весело.

Потом он угощал Пепе шоколадом и дал ему франк. Пепе попробовал монету зубом и поблагодарил: „Благодарю вас, синьор! Кажется, монета настоящая?“

Всего лучше Пепе, когда он один стоит где-нибудь в камнях, вдумчиво разглядывая их трещины, как будто читая по ним тёмную историю жизни камня.

В эти минуты живые его глаза расширены, подёрнуты красивой плёнкой, тонкие руки за спиною и голова, немножко склонённая, чуть-чуть покачивается, точно чашечка цветка. Он что-то мурлычет тихонько, — он всегда поёт.

– Чо! – кричит он, хлопая ладонями, пугая изумрудную ящерицу.

А когда море спокойно, как зеркало, и в камнях нет белого кружева прибоя, Пепе, сидя где-нибудь на камне, смотрит острыми глазами в прозрачную воду.

Там, среди рыжеватых водорослей, плавно ходят рыбы, быстро мелькают креветки, боком ползёт краб. И в тишине, над голубою водой, тихонько течёт звонкий, задумчивый голос мальчика: „О море... море...“

Взрослые люди, кто подобрее и внимательнее, говорят: „Пепе будет нашим поэтом...“

Пасквалино же, столяр, мудрый старик с головою, отлитой из серебра, и лицом, точно с древней римской монеты, говорит своё: „Дети будут лучше нас, и жить им будет лучше!“ 41

КОНЕЦ

Редактор Л. Белая
Художественный редактор Л. Усайтис

Студия „Диафильм“, 1968 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Д-151-68

Цветной 0-30